

Префектура Айти, резиденция Като.

После того как медийная буря улеглась, адрес места поджога и убийства тихо внесли в список наблюдения «Завесы».

Оператор Завесы прибыл вовремя, чтобы стать свидетелем рождения проклятого духа. Ранг подтвержден: второй. Отчет отправлен наверх — в Отдел общих дел. Оттуда задачу передали тому магу, который оказался свободен.

В мире дзюдзюцу вечно не хватало людей. Лето было пиковым сезоном для проклятий. Маги второго ранга — становой хребет профессии — были либо в пути на задания, либо уже по уши в них увязли. Задачу понизили на один уровень и вручили магу третьего ранга.

После тяжелого боя маг третьего ранга с дипломом Токийского столичного технического колледжа магии наконец изгнал новорожденного духа второго ранга.

Он вывалился из дома Като, с ног до головы облитый потом, и пожаловался ждавшему снаружи вспомогательному менеджеру: — Сегодня и так жарко как в аду, так эта тварь еще и огнем плевалась. Сильный ублюдок. Жара на жару — я чуть не вырубился от теплового удара.

Рядом с черным фургоном вспомогательный менеджер поклонился и протянул бутылку минеральной воды: — Спасибо за ваш тяжелый труд.

Маг третьего ранга рывком распахнул дверь, рухнул на кондиционированное заднее сиденье и словно заново родился. Он пробормотал себе под нос: — Мы можем перестать сбрасывать это дерьмо на выпускников Токийской школы?

Вспомогательный менеджер — выпускник той же школы — сделал вид, что не расслышал. Он знал, что это невозможно. Чтобы выбить у высшего руководства лучшие условия, нужно иметь как минимум первый ранг. Все, что ниже, не удостоило бы тебя и взгляда.

Первый ранг был официально признанным потолком мира дзюдзюцу. Главы Трех Великих Семей сидели именно на этом уровне.

В Японии было ровно две школы, готовившие магов: Токийский и Киотский столичные технические колледжи магии. Киото был крепостью консерваторов — безопасной, уютной, зарезервированной для тех, за кем стояла поддержка родословной. Простолюдины без происхождения бросали кости: если улыбнется удача, Токийская школа скаутировала их и присылала приглашение. Если нет — они умирали молодыми, сожранные проклятиями, которые привлекала их собственная сила. Дикие маги, дожившие до зрелости, встречались реже, чем куриные зубы.

Когда высшее руководство сбрасывало задачи, выпускникам Токийской школы часто

доставался короткий жребий: миссии, где разведданные были мусором, или дух оказывался намного сильнее заявленного, или все шло наперекосяк, потому что кто-то наверху не удосужился перепроверить информацию.

Короче говоря, маги Токийской школы умирали с такой частотой, при которой работа международными наемниками казалась бы безопасной. Если бы плата была невысокой — а высшее руководство платило вовремя, — половина магов в Токио бросила бы все еще годы назад.

Уйти на покой, став оператором Завесы или вспомогательным менеджером, было неплохим запасным вариантом.

Подвох: стоило сойти с передовой, вернуться назад становилось практически невозможно. Проклятая энергия была привязана к духу. Брось борьбу — и твоя сила навсегда застынет на месте. Твой статус в мире дзюдзюцу покатится вниз. Ты потеряешь право сидеть за одним столом с товарищами, которые когда-то доверяли тебе свои жизни.

Кто не хотел быть героем, спасающим человечество от тьмы? Проблема заключалась в том, что... Это было слишком тяжело. Слишком изнурительно. В конце концов... Единственным, что заставляло тебя двигаться вперед, оставались совесть мага и холодные, твердые деньги.

Внутри фургона вспомогательный менеджер снова завел разговор о деле: — Инцидент с Като вызвал ужасный общественный резонанс. Двое погибших — мальчики, тупая травма затылка. Они уже скончались к моменту прибытия скорой. Я видел обсуждения в сети: кто-то сделал анонимный наводящий звонок прямо перед началом пожара. Именно поэтому пожарные и медики прибыли достаточно быстро, чтобы спасти мать и дочь, заколотых ножом на втором этаже.

Маг третьего ранга залепил пластырем собственные царапины — он слишком привык к боли, чтобы тащиться в больницу. — Я маг, а не ковбой. Почему меня это должно волновать? Может быть, у кого-то из людей убийцы проснулась совесть.

— Место преступления было пугающе чистым, — ответил вспомогательный менеджер, выводя фургон на префектуральную дорогу, которая в конце концов вела обратно в Токио. — Профессиональный киллер. Ни отпечатков пальцев, ни волокон, ни орудия убийства. Если бы его не поймали с поличным, это дело превратилось бы в многолетний висяк и породило бы духа первого ранга.

Лицо мага потемнело: — Дух первого ранга? Ты издеваешься надо мной? Почему я видел только второго?

— Потому что лето — пиковый сезон пожаров, — спокойно пояснил менеджер. — Общественный страх перед огнем вполне мог породить первого ранга. Тот факт, что дело раскрыли за считанные часы и общественные настроения удалось повернуть в позитивное русло, удержал его на втором ранге.

Смерть от ножевых ранений, а не от огня. Убийца под стражей. Это была единственная причина, по которой новорожденный дух оказался «всего лишь» вторым рангом.

Молодому магу было нечего на это ответить. Воспоминание о плевавшемся огнем проклятии заставило его возненавидеть человеческого убийцу еще сильнее. Усталость наконец одержала победу; его голова склонилась набок, и он вырубился, сжимая в руке проклятый инструмент, одолженный у школы.

Лето не предлагало каникул. Больше людей — больше негатива — пугающее количество проклятий. Такова была повседневная жизнь большинства магов теперь, когда численность населения Японии достигла своего исторического пика.

[Остатки проклятой энергии.]

В темном переулке Йокогамы Асо Акия тестировал свой вновь обретенный навык. Он сосредоточил проклятую энергию в глазах, пока не проявились слабые следы — недавние дорожки, оставленные проклятыми духами.

[Точно как в аниме. Темный пигмент разбрызган по дороге. Следы третьего ранга заметно толще, чем четвертого.]

После десятков экспериментов он теперь мог различать мухоголовки, четвертый и третий ранги по интенсивности и объему остаточных следов. Он еще не встречал второй ранг. Низкоуровневые следы обычно держались около двадцати четырех часов; более высокие ранги оставались загадкой. Золотым окном для отслеживания были первые сутки.

[Для духов это остатки.]

[Для магов...]

[Технический термин — запах проклятой энергии.]

Асо Акия улыбнулся и бросил взгляд на ярко-красный след, который оставил после себя. Цвет ему нравился.

[Мой след яркий, почти кричащий — как настоящее пламя. Держится дольше сорока восьми часов.]

[Не стоит заморачиваться с терминологией. Современный мир дзюдзюцу использует то, что ему больше нравится. Когда Гето Джек вырезал 114 деревенских жителей, официальный отчет высшего руководства назвал это «остатками проклятий». В фильме двадцатисемилетний Годжо Сатору вынюхал след Гето и назвал его «проклятым запахом».]

[Не удивлюсь, если для высшего руководства пользователи проклятий и проклятые духи пахнут одинаково — как мусор.]

[Разумная дискриминация.]

Он шел до тех пор, пока не добрался до речного берега, погрузил пальцы в текущую воду и выпустил импульс проклятой энергии. Течение мгновенно размывало ее, смывая алый цвет.

Проточная вода способна стереть проклятый запах. Неудивительно, что японцы воспринимали пересечение ручья или реки как переход с этого берега на тот. Это действительно работало!

В духе тщательного исследования — и еще до того, как он совершил хоть какие-то преступления — Асо Акия уже каталогизировал каждый известный способ стирания следов проклятой энергии.

Он рассуждал рационально: Если бы он когда-нибудь оказался на месте семнадцатилетнего Гето Сугуру, как бы он избавился от тел и исчез без следа? Убийство 114 обычных людей — это преступление, караемое смертной казнью. Мотив — «они были невежественными деревенскими жителями, причинившими вред детям-магам» — ничего не значит для высшего руководства. Их хладнокровие намного превосходит все, что мог вообразить Гето Сугуру. Спорить о правах человека с комнатой, набитой политическими интриганами, — просто шутка. Самым чистым способом заткнуть их было бы вырубить вспомогательного менеджера, свалить каждый труп к ногам проклятого духа и позволить духу взять вину на себя. Он не умеет говорить, но никто и не станет слушать.

Что касается проклятого запаха, оставляемого магом? Асо Акия мысленно развел руками. Разве это не доказательство ожесточенной битвы?

В тот момент, если бы клан Годжо вмешался, чтобы защитить его, а Гето проявил бы хоть капельку смирения, он отделался бы без единой царапины. Потому что каждый знает, что особый ранг с «Манипуляцией проклятыми духами» никак не мог «отчаянно сражаться часами» против духов и при этом оставить целой целую деревню, за исключением двух маленьких девочек с потенциалом.

Высшему руководству нужна лишь правдоподобная отговорка на бумаге. У них нет никакого интереса толкать Гето Сугуру на путь превращения в пользователя проклятий — кто в здравом уме добровольно плодит собственных врагов?

[А что, если бы на его месте оказался я?]

Холод завязался узлом в желудке. Сила — единственная причина, по которой они пойдут на компромисс. Он не особый ранг. Никакой Годжо Сатору не примчится со всей мощью клана Годжо, чтобы вытащить своего лучшего друга.

Контрольный персонаж: Кусакабэ Ацуя. Маг без врожденной техники навсегда лишен возможности расширения территории. Потолок: первый ранг. Высшее руководство не проявляет милосердия к преступникам первого ранга.

[Я никогда не убью, если только это не крайняя необходимость. Если бы я все-таки...]

Асо Акия уставился на безупречно синее небо.

[Между пятнадцатью и семнадцатью годами у меня было бы более чем достаточно времени, чтобы овладеть оружием. Я бы укрепил свое тело проклятой энергией и убивал холодным стальным клинком — никаких проклятых запахов на телах. Скормить каждый труп проклятым духам, если возможно. Если поблизости нет духов, позвать Гето Сугуру, эвакуировать двух девочек в безопасное место, а затем вызвать незарегистрированного духа, чтобы он превратил останки в кашицу.]

[Как одноклассник, Гето пришел бы расследовать дело, услышав о сложности ситуации. Но когда высшее руководство вызвало бы нас, стал бы он меня покрывать?] [Если бы я решил сбежать, он отказался бы поставлять духов.] [Если бы я решил остаться, он бы спросил, как я планирую пережить допрос.]

[Высшее руководство не просто задает вопросы.] [Лучший способ допросить мага — наложить Небесную Клятву.] [Клятву в том, что я не могу лгать.] [...Солги — и умри.]

Его зрачки расширились. Самым страшным в присоединении к миру дзюдзюцу было вовсе не убийство, не слабость, а невозможность соврать высшему руководству. Он хранил слишком много секретов. Одно неосторожное слово, и его жизнь перестала бы принадлежать ему.

Гето Сугуру мог пережить свою бойню. Асо Акия — нет. Тот же год, тот же класс, что и у Годжо Сатору, то же происхождение из простолюдинов — но уничтожить его было бы бесконечно проще. Вызови они его в штаб-квартиру хотя бы раз, они могли бы тут же влить ему несколько каменных клятв. Они бы никогда не упустили идеальный инструмент слежки, способный контролировать как Годжо, так и Гето.

Как избежать этой участи? Он был слишком слаб. Слабость — это изъян. Что обычно компенсирует недостатки мага? Физическая мощь? Проклятые инструменты? Деньги? Связи? И да, и нет. Все это требует времени.

Лицо Асо Акии исказилось. В расцвете своей юности его абсолютным пределом было: я не стану шпионом. Только не говорите ему о двойных агентах. Годжо Сатору мог исключить его одним словом и не дать шанса объясниться.

Солнечный свет танцевал на водной глади, отражая черноволосого мальчика с покрасневшими глазами и стиснутыми зубами. — Это тоже реальность?

После всего, через что он прошел, он все еще не был достоин стать одноклассником Годжо Сатору. Небо простиралось бесконечно над ним. Означал ли единственный безопасный путь — держаться на расстоянии, поступить на год-два позже, в качестве безобидного кохай?

Он не жаждал быть лучшим другом Годжо. Он просто хотел делить тот же класс, ту же мимолетную юность, вкусить обычное счастье на дороге, вымощенной костями магов. Ради этого он был готов зайти дальше большинства. Просил ли он слишком много, или просто струсил перед лицом опасности мира дзюдзюцу? Но пути назад у него не было! Письмо придет в Токийский столичный технический колледж магии 1 мая следующего года!

Мысли Асо Акии завязались узлом. Он оскалил зубы и зарычал на самого себя: — Думай! Где мое преимущество? — Шагни за пределы доски. Я не игрок — я зритель. — Я, Асо Акия, молодой маг-парень, в следующем году мне исполнится пятнадцать, поступаю в Токийскую школу магии. Никакой врожденной техники, средние запасы проклятой энергии. С любой традиционной точки зрения я никогда не буду выдающейся боевой единицей. — Так какая же еще роль может быть у меня в их глазах? — Человек с моим характером... Подходящий на роль вспомогательного менеджера? — Я, Асо Акия, одноклассник Годжо Сатору, обреченный после выпуска стать личным вспомогательным менеджером Годжо Сатору?

Чего-то не хватало. Он заставил себя взглянуть на ситуацию с точки зрения Бога и уставился на «самого себя». Этот человек молод, сдержан, вежлив и молчалив после поступления. Никогда не показывает ни малейшего недовольства от того, что скатился из отличников в «ниже среднего». Сохраняет дружелюбное, но холодное отношение ко всем трем одноклассникам особого ранга. Всегда наблюдает за выходками Годжо Сатору и Гето Сугуру со стороны со слабой улыбкой. Выбирает самый тихий угол общежития, подальше от Годжо и Гето. На первый взгляд — сплошная дистанция.

Этот человек никогда не пропускает занятия, тренируется как монах, относится к сенсею с безупречным уважением — но тайком пишет для Годжо и Гето объяснительные за проступки. Относится ко всем одноклассникам одинаково, но тихо выделяет Годжо Сатору... Диссонанс. С высоты птичьего полета этот человек выглядит так, будто разыгрывает роль идеального, безобидного одноклассника. Играет? Играет для кого? Простолюдин-маг, новичок в мире дзюдзюцу, который не дружит с Гето Сугуру, а вместо этого «льстит» Годжо Сатору? В любом фандоме «Магической битвы» это кричит о заговоре. Никто, кто делит класс с Годжо Сатору, не бывает простым.

Ключевая точка, которую он упустил, встала на свое место. Озарение пробежало по его спине мурашками. Если высшее руководство уже планирует использовать меня как удобную пешку, почему бы сначала не стать чьей-то чужой пешкой? Одной рыбой можно накормить двух людей. Одна шахматная фигура не может служить двум доскам. Сделай ровно то движение, которого от тебя ждет высшее руководство, — сделай его раньше, чем они успеют принудить. Не оставляй им дороги!

[«Я, Асо Акия, маг-сирота... Тайный агент, посланный кланом Годжо.»] [Моя миссия: будучи одноклассником Годжо Сатору, вести себя тихо и осторожно, приглядывая за драгоценным юным господином клана Годжо во время его первой самостоятельной жизни вне дома.]

«Годжо Сатору — непревзойденный наследник, с рождения окруженный слугами, за которым ухаживают по первому требованию. Он никогда не жил один. Сейчас у него период бунтарства, он любит во всем противоречить своей семье. Старейшины Годжо смертельно беспокоятся. Поэтому они выбрали меня своим человеком внутри Токийского колледжа магии».

«Чтобы юный господин не раскрыл мою личность, я должен скрывать ее идеально. В то же время клан Годжо, до смерти боящийся его истерик, поклянется собственными жизнями, что Асо Акия не имеет к ним никакого отношения, даже если высшее руководство придет с расспросами».

Глаза Асо Акии зажглись. Он прошептал реке: — Асо Акия будет все отрицать. Клан Годжо будет все отрицать. Но это не значит, что высшее руководство поверит отрицанию. Они будут копать глубже в каждом поступке Асо Акии. — Я знаю здравый смысл дзюдзюцу. — Я знаю, что юный господин клана Годжо поступит в следующем году. — Я заранее, за целый год, оплатил VIP-карты в десертные кафе, потому что знаю, как сильно он любит сладкое. — Я время от времени езжу в Киото, будто бы для прохождения тренировок и отчетов. — Я абсолютно обычен... Но за моей спиной стоит одна из Трех Великих Семей. — Они не могут меня допросить. — Они не могут приказать мне предать Годжо Сатору. — На моем теле уже лежат суровые Небесные Клятвы, наложенные кланом Годжо. — Заставь меня говорить — и клятвы убьют меня. — Моя смерть оскорбит клан Годжо. — Убийство одноклассника Годжо Сатору вызовет гнев самого Годжо Сатору. — Любая злоба, которую высшее руководство направит на меня, должна будет оставаться в пределах «разумного».

Это была его спасательная линия. Единственная спасательная линия, которая могла быть у мага-простолюдина.

[Использовать клан Годжо, чтобы запугать Штаб-квартиру дзюдзюцу!]

Штаб-квартира дзюдзюцу может существовать без единого Годжо в своих списках, но истинная вершина мира дзюдзюцу всегда будет иметь в комнате кровь Годжо. Пока не затронута основная борьба за власть, Штаб-квартира обязана сохранять лицо клана Годжо. Они последуют старому правилу: все видят фарс насквозь, но никто никогда не произносит это вслух. Эти окаменелые старейшины тихо переквалифицируют Асо Акию из «одноразового сироты» в «чьего-то тщательно внедренного агента».

Асо Акия продолжал сверять логику с канонам. Шесть Глаз не могут прочесть душу, не могут прочесть сердце, не могут прочесть точную формулировку Небесной Клятвы.

Доказательство: когда Юдзи вернулся с того света с запечатанной внутри тайной клятвой Сукуны, даже двадцатисемилетний Годжо Сатору мог лишь гадать о ее содержимом.

[Так что сама клятва может быть полной выдумкой.]

Улыбка, начавшая расцветать на его лице, тут же исчезла. Полумеры убьют его. Он никогда не поставит свою жизнь на кон ради того, есть ли у Штаб-квартиры какая-нибудь древняя техника для проверки клятв. Поэтому он сделал все по-настоящему.

Он представил себя одного, идущего через ворота тории поместья Годжо в Киото, опускающегося на колени на полированный энгава перед главой клана, который на самом деле никогда не появится. Затем, глядя на текущую реку, которая унесет его слова прочь, он поднял к небу четыре пальца. Одиноким мальчик, приносящий клятву воде и ветру.

— Пока я учусь в школе, я никогда не признаюсь в своем истинном происхождении. -> Скрыть, что я попаданец. — Пока я учусь в школе, я буду, как одноклассник, помогать Годжо Сатору научиться жить самостоятельно. -> Выполнять долг одноклассника. — Пока я учусь в школе, я буду защищать рост Годжо Сатору. Его юность — моя юность. Его жизнь — моя жизнь. Я буду дорожить им больше всех на свете, почитать благородную душу, с которой он родился. Я тот, кто преследует его свет; он — моя вера во все прекрасное. Любимый маг, затаивший злобу на носителя Шести Глаз, — мой враг. -> Предвидеть судьбу, идти бок о бок с судьбой, стать свидетелем судьбы.

Он прижал ладонь к бешено бьющемуся сердцу. Это ощущение было так близко к любви, что испугало его, но впервые за две жизни он произнес обнаженную, медовую правду. — Если я когда-нибудь нарушу эти клятвы... -> Тогда пусть я, Асо Акия, умру без погребения!

Река продолжала течь. Клятва свершилась. Односторонняя Небесная Клятва, принесенная магом на собственной душе, бесшумно защелкнулась на месте.

Киото. Глубоко в землях клана Годжо, которых нет ни на одной карте. В тихом внутреннем дворе, более древнем, чем большинство наций, бело волосый мальчик, которого все уже называли сильнейшим, внезапно три раза подряд чихнул.

— Юный господин? Служанка за сёдзи вздрогнула, но прижала лоб к татами. Изнутри доносился лишь звук возобновившегося показа нового летнего фильма.

Годжо Сатору потерял нос, пробормотал: «Странно», и вернулся прямым к сладостям и экрану, совершенно не подозревая, что за сотни километров отсюда кто-то только что приковал свою судьбу к его судьбе словами, острыми почище любого клинка.

Заходящее солнце пробивалось сквозь сёдзи, окрашивая тусклую комнату в расплавленное золото. На проекционном экране движущийся замок плыл по небу, его железные ноги гремели, как далекий гром. Магия искрилась; пожилая женщина снова молодела; волшебник с нежными голубыми глазами протянул руку к простой девушке и поднял ее в воздух. Когда Хаул посмотрел на Софи, его взгляд больше не был одиноким.

По ту сторону экрана другая пара голубых глаз следила за происходящим не мигая. Шесть Глаз — цвета, которые человеческий спектр никогда не смог бы смешать, — мерцали, как иней на зимнем озере, холодный свет рябил по невозможным граням. Они нарушили мировой баланс в тот самый день, когда родился их владелец.

Рядом с футоном валялась разорванная упаковка фильма: «Ходячий замок Хаула» — Официальный релиз: 20 ноября 2004 года.

Посмотреть его на несколько месяцев раньше было наименее впечатляющей привилегией, которой обладал юный господин клана Годжо. Для того, кто воспитывался с предостережением «держи его во рту, не то растает», большая часть жизни прошла внутри этих стен — в тренировках, ожидании, становлении сильнее, чем кто-либо мог потребовать. Он не чувствовал себя одиноким. Только скучал.

Для Шести Глаз в мире не было никакой магии — лишь бесконечная проклятая энергия, чистая, как тепловизионное изображение. Он не мог их выключить. Каждый человек нес свое собственное вихревое облако негатива; каждую секунду потоки информации затопляли его мозг и утекали обратно.

Четырнадцать лет, белые волосы, глаза слишком прекрасные, чтобы быть полностью человеческими — холодные, божественные, неприступные. Затем он открыл рот, и мальчик вернулся.

— Кто-то только что проклял меня издалека, а? Интуиция Годжо Сатору никогда не подводила. Три чиха подряд без всякой причины? Шесть Глаз подтвердили, что воздух во дворе чист, его тело здорово, проклятая энергия течет безупречно. Попытки покушений были еженедельным спортом. Пользователи проклятий обожали винить его в своих жалких жизнях; они бормоча произносили его имя как молитву наоборот. Кто-то из них, возможно, наконец-то применил дальнобойную технику. Дальнобойная — это единственное объяснение: поместье Годжо огромно, а его покои находятся в самом его сердце.

— Какой-то пользователь проклятий умудрился проскользнуть сквозь семейный барьер? Я говорил этим старикашкам, что обереги древние и дырявые. Похоже, мне придется некоторое время держать Бесконечность активной...

Он ухмыльнулся — чисто, лучезарно, с выражением ребенка, только что нашедшего новую игрушку. — Я не из тех, кого всякий мусор может проклясть и уйти безнаказанно. — Только не умри от обратного удара, пока я тебя не найду, ладно?

Его улыбка стала шире, невинная и ужасающая. — Я раздавлю тебя лично.

[Мини-театр]

Асо Акия: С сегодняшнего дня я больше не одинок. Моя опора — это клан Шрёдингера Годжо. Приятно со всеми работать.

Клан Годжо: Мы не помним никого с таким именем.

Асо Акия: Подумайте получше. Может быть, вспомните.

Клан Годжо: ...

Асо Акия: Не волнуйтесь, я хорошо о вас позабочусь, юный господин =v=

Штаб-квартира дзюдзюцу: Ты просто блефуешь за счет чужого авторитета.

Асо Акия: Ничуть. Клан Годжо этого не признает, и я тоже.

<http://bllate.org/book/19436/1951440>